

«НЕДРА». Литературно-художественные
сборники. Книга 10. Изд. «Недра». 1927 г.
Стр. 282. Ц. 2 р. 25 к.

Артем Веселый бесспорно талантливый человек, но следует ли отсюда, что нужно части в романе называть крыльями и главы—залпами? Редакция в примечании к роману кротко оговаривается, что «крылья» ей кажутся «необоснованными». В самом деле, почему крыло, а не другая какая-нибудь часть птичьего туловища? Артем Веселый никак не может еще отказаться от озорства, от трюков, которые неприятно колют глаз, совершенно не повышая, конечно, литера-

турного качества его письм... Это тем бо-
лее ненужно, что он обладает достаточ-
ной писательской силой, чтобы налагать
свою тему очень простым и сильным язы-
ком: а из всех жанров, как известно, это
есть наилучший жанр. Что такое «кры-
ло», что такое «залп»? Артем Веселый
пишет ядучий (вместо едкий), укнул
(вместо свистнул), удохать (вместо убить),
захлеб (вместо захлебываться), смрадные
слезы, толстожабая баба; все это слова
русскому языку, как литературному, так
и разговорному (народному), неизвестные;
озорство Артема Веселого не создает им
права на жизнь и ослабляет право са-
мого писателя на занятие литературным
трудом. Когда озорством занимается фу-
рист Борис Несмелов, например, это по-
нятно: кроме литературного фиглярства у
него ничего нет за душой и в его «мозго-
вом разжиже». Когда же озорничает Артем
Веселый—это обидно, потому что он та-
лантливый человек, много перевидел, оче-
видно, много пережил и передумал в
тяжкие и радостные годы, которые он спи-
сывает, знает эти годы и людей, которые
их творили, имеет достаточно полный и
свежий арсенал средств для передачи
своей темы и того воздействия на чита-
теля, без которого книга вообще теряет
свой смысл. Озорничать ему не надо—
внимание обеспечено ему и так.

Роман Веселого «Россия, кровью умы-
тая», первой частью которого открывается
сборник, это—роман об армии, о «кобыл-
ке», которая, снявшись в 17 году с фрон-
та, жуткой лавиной ринулась, облепляя
составы, в Россию, на Восток. Армия еха-
ла—«под составами визжали немазаные
колеса, прогибались рельсы», солдаты
obleпляли крыши, ступеньки и буфера в
переполненных, походивших на муравей-
ники поездах, они везли бомбы и дина-
мит в тыл, чтобы «глушить в тылу бур-
жуев», они голодали в пути и умирали,
на фунты продавали орудия и пулеметы
охотникам, громили лавки, базары и спир-
товые заводы, убивали офицеров на стан-
циях и телеграфистов, которые отказы-
вались вызывать паровозы к застрявшим
поездам. Люди были голодны, оборваны
и раздражены, и страшная злоба, кото-
рая годами копилась в сердцах, неудер-
жимо рвалась сейчас наружу. Они слу-
шали агитаторов, не верили им и иска-
ли партии, «чтобы дала простому челове-
ку вверх глядеть». Лавина катилась, про-
рывая возникавшие уже кое-где фронты
и заграждения, сметая станции, оставляя
за собой погибавших,—на Восток. Это бы-
ла жуткая и невиданная, и полная тра-
гизма эпопея.

Артем Веселый не совсем связанны-
ми, правда, мазками, точно обрывками,
кусочками разворачивает тему на боль-
шом полотне. Он понимает душу «серой
скотинки», чувства ее и переживания, и
злобу, которая ее душила, и знает язык,
каким она говорила. Сквозь страшную
злобу прорывается неожиданно настя-
щее тепло, трагизм, которым насыщено
действие, разряжается внезапно комеди-
ным, юмористическим штрихом. Это очень
верно.

Роман читается с интересом. Местами
его портят те литературные трюки, о ко-
торых сказано выше.

С большой силой и что называется с